

Барбара Пим

Барбара Пим
**ПОЧТИ
АНГЕЛЫ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П32

Серия «Англия: серьезно, но не очень»

Barbara Pym

LESS THAN ANGELS

Перевод с английского *А. А. Комаринец*

Художник *А. И. Орлова*

Компьютерный дизайн *В. И. Лебедевой*

Печатается с разрешения наследников автора,
литературного агента Laura Morris
и литературного агентства The Buckman Agency.

Пим, Барбара.

П32 Почти ангелы : [роман] / Барбара Пим ; [пер. с англ. А. А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Англия: серьезно, но не очень).

ISBN 978-5-17-085806-4

Эксцентричные нравы образованных повес и милых барышень, забавные ситуации, яркие характеры — в изящном, полном тонкого, истинно британского юмора романе Барбары Пим!

Кто сказал, что антропологи только и делают, что разъезжают по экзотическим странам, занимаясь долгими и трудными раскопками, порой подвергая собственную жизнь опасности?

Они исправно посещают светские вечеринки, состоят в престижных клубах, водят модные автомобили. А еще — кто бы мог подумать — вовсе ухлестывают за хорошенькими студентками и отчаянно интригуют, сражаясь за солидные средства на экспедиции и написание очень важных трудов.

Но поскольку они довольно много времени проводят в компании красоток в буквальном смысле «ископаемых», отношения со вполне живыми и веселыми подругами у них складываются настолько сложные, что трудно даже описать...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Barbara Pym, 1955

© Перевод А.А. Комаринец, 2015

ISBN 978-5-17-085806-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

1

«Точь-в-точь английские туристы, что бесцельно шаркают по церкви в Равенне, рассматривая мозаики...» — невольно подумала Кэтрин Олифент, пока рассеянно сидела за чаем. Но грезы развеялись, и стало ясно, что, конечно же, ни в какой она не в Италии, а шаркающие фигуры вовсе не туристы, а сотрудники окрестных контор, которые отходят с подносами от стойки и устраиваются за столиками, даже взглядом не удостоивая мозаики на стенах. А на них распускали хвосты большие и яркие павлины, каждый в собственной маленькой нише — точно в боковых часовенках старинного собора. Но почему люди с подносами не кланяются и не оставляют на полу в качестве подношений булочки, яйца-пашот и салаты?.. По всей видимости, культ павлинов, если он когда-либо и существовал, пришел в упадок.

Она налила себе еще чашку: чай потемнел и настоялся — как раз такой, как она любит. Кэтрин не чувствовала никакой вины из-за того, что празднично сидит за столиком у окна, глядя, как лучи солнца льются через аметистовые и золотые бордюры витражного окна, а люди кругом поспешно глотают пищу и спешат на

поезд домой, поскольку на жизнь зарабатывала рассказами и статьями для женских журналов и вдохновение черпала в повседневной жизни, хотя сама эта жизнь временами бывала довольно крепковата и грубовата и следовало облагодетельствовать ее фантазией — как мясо, которое становится мягче, если его хорошенько отбить.

Кэтрин была невысокой и худенькой и считала (не без удовлетворения), что похожа на Джен Эйр или на викторианскую девочку, которой из-за скарлатины остригли волосы. Ей свойственно было выглядеть чуть растрепанной и небрежной, и нынешняя мода, когда женщины за тридцать могли одеваться как двадцатилетние девушки, носить туфли без каблука и свободные жакеты, а прически иметь такие, словно сами себя постригли маникюрными ножницами, очень даже ее устраивала.

Теперь людские потоки устремились к автобусным остановкам. Понемногу они начали терять гомогенность, распадаться на отдельных людей, — возможно, среди них даже нашлись бы знакомые. Это представлялось гораздо вероятнее (пусть и не так романтично) в Лондоне, чем в Париже, про который говорят, что, если достаточно долго сидеть за столиком уличного кафе, рано или поздно мимо пройдут все, кого когда-либо знал или любил. Ну ведь не все-все-все, думала Кэтрин, такое количество эмоций кого угодно вымотало бы.

Она знала, что Тома, свою нынешнюю любовь, этим вечером точно тут не увидит, ведь он в Африке, изучает примитивное племя, а самым странным было то, что, когда в толпе стали проступать отдельные лица

и пришло мгновение кого-то узнать, она заметила двух пожилых антропологов, с которыми как-то познакомилась на собрании научного общества, куда ее водил Том. Антропологи двигались наперекор спешащему потоку, и Кэтрин их даже не вспомнила бы, если бы они не выглядели довольно курьезной парой — как комики в мюзик-холле. Профессор Фэрфлекс был худым и высоким, с небольшой, словно скукожившейся головой. По странному стечению обстоятельств племя, которым он занимался, большое значение придавало высушиванию голов, на что не указывал только самый ленивый студент. Спутник Фэрфлекса доктор Вер был низеньким и кругленьким — полная ему противоположность.

Кэтрин задумалась, куда бы они могли направляться в такое время да еще против общего людского потока. Возможно, это важно, что два антрополога, чье дело изучать поведение в человеческих сообществах, идут против течения? Она даже не знала, что следует из такого наблюдения, и не попыталась сделать вывод, только еще раз спросила себя: куда они направляются? У любопытства есть не только радости, но и муки, и одна из них, наверное, — неспособность проследить то или иное событие до его логического завершения. Профессор Фэрфлекс и доктор Вер еще несколько сот ярдов проталкивались в толпе, а после свернули в переулок и скрылись из виду. Допив чай, Кэтрин неохотно встала и собралась уходить.

Когда сменился свет светофора, на противоположной стороне улицы притормозило такси. Кэтрин не могла знать, что представительный, академического

вида пожилой мужчина в такси, который как раз поглаживал серебристую бородку, был Феликсом Байроном Мейнуорингом, профессором, принадлежащим к сливкам антропологии прошлого поколения, а теперь живущим на пенсии за городом.

Такси свернуло в переулок, и профессор Мейнуоринг с приятным предвкушением подался вперед. Он велел водителю остановиться на дом раньше того, который был нужен ему на самом деле, чтобы рассмотреть здание снаружи. Он попробовал вообразить, каким оно видится его коллегам, вывернувшем из-за угла в своих жалких драндулетах или идущим пешком, нагруженным причиндалами своего академического призвания: плащами, портфелями, папками заметок, с которыми они не желали расставаться даже на светских приемах. Поднимают ли они глаза на прекрасный георгианский (а они вообще поймут, что он георгианский?) фасад и завидуют ли тому, как он изловчился убедить Минни Форсайт, что по меньшей мере часть состояния ее покойного мужа следует употребить на самое благородное в мире дело, а именно на основание нового антропологического научного центра с библиотекой и учреждение нескольких грантов для молодых ученых? Уж они-то точно такого не сумели. Ему вспомнился вагон первого класса и далекие шпильки Лемингстон-спа, представшие перед ним в прошлом году в зеленоватом свете весеннего вечера, и то, как миссис Форсайт (трудно было мысленно называть ее Минни, надо же, какое неподобающее имя!) откинулась на кружевную салфеточку на спинке кресла, как ее большие голубые глаза наполнялись восхищением

и недоумением, пока он говорил, объяснял и убеждал... Феликс Мейнуоринг чуть не хохотнул от такого воспоминания и, выходя из такси, дал водителю непомерно щедрые чаевые.

Труся к тому же дому по противоположной стороне улицы, Фэрфекс и Вер громко разговаривали. У обоих были пронзительные голоса: у Уильяма Вера — потому что ему как беженцу пришлось строить новую жизнь в незнакомой стране и объясняться на чужом языке, а у Джарвиса Фэрфекса — потому что он рос младшим в большой семье и ему всегда приходилось самоутверждаться. Сейчас они обсуждали своих студентов — ни в коем случае не злобно, поскольку между ними существовало дружеское соперничество за тех молодых людей, кто сумел обзавестись исследовательскими грантами, то есть средствами на экспедицию и «полевые работы», в Африку, в Малайю, на Борнео или какой-нибудь другой далекий остров, где еще осталось племя, которое можно изучать.

— Номер двадцать три, — коротко сказал Фэрфекс. — Наверное, это тут.

— Думаю, да.

Элегантные пропорции и георгианский фасад здания они никак не прокомментировали, поскольку даже на них не взглянули — разве только на номер на двери. Им было любопытно осмотреть научный центр («Фантазию Феликса», как окрестили его между собой антропологи), но у обоих выдался трудный день и обоим требовалось выпить.

— Надеюсь, внутри все готово. — Фэрфекс взглянул на часы. — Ничего нет хорошего в том, чтобы прийти

слишком рано. Интересно, Эстер Кловис и ее помощницы уже нарезали бутерброды или же у Феликса хватило предусмотрительности пригласить кого-нибудь со стороны?

— Сомневаюсь, что он стал бы затруднять себя хозяйственными делами, — отозвался Вер. — Но будем надеяться на лучшее. — Он сказал жене, что сегодня плотный ужин готовить не стоит.

Закусок и напитков заготовили вдоволь, но назревал кризис. Библиотека уже несколько дней была открыта для читателей и в данный момент оказалась занята молодыми антропологами, кое-кто еще даже диплома не получил, и, разумеется, на фуршет, который должен был состояться в этом самом читальном зале, их не приглашали.

Мисс Кловис и ее подруга мисс Лидгейт, специалист по африканским языкам, несколько раз входили и выходили к ним с тарелками закусок, полагая, что при виде съестного, которого никто не ожидает в библиотеке любого рода, посетители поймут, что тут что-то намечается, и соберутся уходить. Но молодые антропологи продолжали читать и делать заметки.

— Придется принять меры, — твердо сказала мисс Кловис. — Пошли, Гертруда, — обратилась она к подруге, — поговорим с ними начистоту.

Когда женщины вошли в комнату, от длинного стола поднялись шесть пар глаз. Мисс Лидгейт была очень высокой, со снежно-белыми волосами и настолько худой, что одежда колыхалась на ней, точно гардины на ветру, зато одетая в твидовый костюм мисс

Кловис была кряжистой, с неровно подстриженными короткими волосами.

— Добрый день, — громко сказала она. — Я так рада, что вы уже пользуетесь нашей великолепной новой библиотекой. В ней действительно есть нечто совершенно особенное.

Она замолчала в ожидании ответа.

Ответил Брэндон Дж. Пербрайт, невысокий, щеголеватый молодой человек, в элегантном лавандово-сером костюме с безукоризненной белой нейлоновой рубашкой и галстуком-бабочкой.

— Пожалуй, вы правы, мисс Кловис, — отозвался он. — Нигде больше нам угощения не предлагали, верно, Мелани?

— Ах, нет, конечно! — подала голос его жена, смуглая, энергичного вида женщина, на несколько дюймов выше мужа и далеко не столь элегантно одетая. — По-моему, прекрасная мысль.

— Тут что-то празднуют? — спросил другой читатель, Жан-Пьер ле Россиньоль, красивый молодой француз в вельветовом костюме цвета бисквита.

— Наверное, можно и так сказать, — признала мисс Кловис, вспомнив, что помимо денег Форсайтов центр получил также щедрый грант из Соединенных Штатов и наследство видного французского антрополога. Возможно, будет только правильно пригласить на фуршет и молодых ученых. — Соберутся несколько человек выпить хереса, — сказала она. — Мне было бы очень приятно, если бы вы к нам присоединились.

Тут мисс Кловис с некоторым сомнением посмотрела на оставшуюся троицу читателей, которые при

этих ее словах выжидательно встрепелулись. Девятнадцатилетняя Дейдре Свон и двое молодых людей — Марк Пенфолд и Дигби Фокс. Марк и Дигби были близкими друзьями и на первый взгляд казались неотличимы друг от друга в своих потертых твидовых пиджаках и серых фланелевых брюках, но у Марка волосы были темными и выющимися, а у Дигби — посветлее и попрямее, а еще он считал, что характер у него помягче. Для мисс Кловис это были просто двое из множества безликих студентов, с которыми она сталкивалась по работе: положительными, усердными, достойными и довольно скучными. Пусть уж и они остаются, подумала она в приступе щедрости, как представители многих сотен будущих пользователей библиотеки. Им, несомненно, не по карману одеваться так элегантно, как француз или американец, но это не делает их хуже, и вообще она не из тех, кто судит о человеке по внешности. Да и как она могла бы, когда и своей-то явно уделяла мало внимания.

В прошлом Эстер Кловис была секретарем одного научного общества, но недавно ушла с этого поста из-за некоторых разногласий с президентом. Бытует мнение, что те, кто живет и работает в академических или интеллектуальных кругах, превыше мелких дрызг, которые преследуют большинство из нас. И все же возвышенная деятельность вынуждает их время от времени спускаться на землю, чтобы, так сказать, освежиться мелкими склоками. Предмет ссоры мисс Кловис с президентом был известен лишь немногим избранным, и даже осведомленность избранных не шла дальше того, что дело было как-то связано с зава-

риванием чая. Нет, конечно, никто не назвал бы заваривание чая делом мелким или тривиальным, и мисс Кловис, похоже, действительно серьезно провинилась. Была использована горячая вода из-под крана, чайник не вполне закипел, заварочный чайник не был предварительно подогрет... Каковы бы ни были подробности, прозвучали некие слова, и в результате на свет вышло другое, много более серьезное и мрачное. Разговор шел на повышенных тонах, и в итоге мисс Кловис пришлось подать заявление об уходе. Ей очень повезло, что ее назначили своего рода смотрительницей нового исследовательского центра, поскольку так уж вышло, что распорядившийся вакансиями профессор Мейнуоринг не жаловал президента научного общества. Эстер Кловис, возможно, не слишком хорошо умела заваривать чай, зато обладала недюжинными организаторскими способностями и знала, как повести себя в критической ситуации, как, например, сейчас, когда она столкнулась с антропологами, которые никак не желали уходить.

— Вы тоже к нам присоединитесь? — просияла она, несколько пугающая в своем дружелюбии. — Надо же, чтобы у нас были и представители молодого поколения. Миссис Форсайт было бы очень интересно посмотреть, на что пойдут ее деньги, — туманно добавила она.

— Спасибо, — откликнулся Марк, который первым обрел дар речи. — С удовольствием. Даже хорошо, наверное, что мы одеты совсем не для праздника, — шепнул он своему другу Дигби. — Теперь миссис Форсайт сразу поймет, что мы очень даже нуждаемся.

Дигби пригладил волосы, равнодушно глянул на свои грязные руки и чуток поправил галстук.

— Пожалуй, уберу-ка я их, — сказал он, заталкивая заметки в портфель.

Дейдре Свон, предположившая, что приглашение мисс Кловис относится и к ней тоже, пожалела, что не успела сбежать. Это была высокая худышка с большими карими глазами и потерянным выражением лица. Она не очень хорошо понимала, что тут делает, и начала задаваться вопросом, а не ошибкой ли было взяться за изучение антропологии вместо, скажем, истории английской литературы. Она забилась в угол, точно стараясь слиться с книжными полками, и с испуганным удивлением смотрела, как прибывают гости.

— А, Феликс! — взвизгнула мисс Кловис, когда вошел профессор Мейнуоринг. — Как я рада вас видеть. Хорошо, что вы пришли пораньше.

— Моя дорогая Эстер! Я едва-едва опередил остальных. Труженики науки не понимают искусства модно опаздывать. Если в приглашении говорится «шесть часов», можете быть уверены, что мои коллеги явятся вовремя.

Его прогноз оказался совершенно точным: едва стрелки библиотечных часов установились на «6» и «12», как в двери просто ворвался целый табун ученых. Первыми появились доктор Вер и профессор Фэрфекс, все еще громко обсуждавшие студентов. По пятам за ним следовал отец Джемани, миссионер и эксперт-лингвист, чья несколько взъерошенная окладистая борода и наслоения затхлых черных одежд казались чересчур теплыми для апрельского вечера.

За ним вошли остальные, слишком многочисленные, чтобы описывать каждого в отдельности, — по большей части мужчины, но и женщины тоже, добившиеся определенного признания в какой-то конкретной области. Некоторые выделялись странной внешностью, но большинство выглядели утешительно заурядными — таких в любой день можно встретить в автобусе или подземке. Замыкали нашествие благостного вида человек, сгорбленный под весом двух чемоданов, словно набитых свинцом, и высокий худой мужчина с кошачьей походкой. После их прихода в процессии гостей возникла прореха, а затем появился беспокойный с виду мужчина в темном пиджаке и полосатых брюках, который занимал какой-то пост в министерстве по делам колоний и сейчас нервно оглядывался по сторонам. Он не любил херес, который считал «вредным для печени», и боялся мисс Кловис, а еще ему очень хотелось вернуться в свой садик в Северном Дулвиче, но он никогда не уклонялся от призыва, когда его звал долг.

— Так, так, так! — воскликнул профессор Мейнуоринг, потирая руки. — Ком* и его сброд!

Чиновник из министерства по делам колоний быстро нырнул в угол, но профессор как будто и не ждал ответа на свое замечание.

— Какая жалость, что не все наши друзья смогли сегодня прийти, — продолжал он с легким сарказмом. — Мой дорогой друг Тирелл Тодд в настоящий момент, вероятно, прорубает себе дорогу через джун-

---

* Ком — древнегреческий бог пиршеств. — *Здесь и далее примеч. пер.*